

Преподавание и изучение восточных языков в Харьковском университете (1805–1917 гг.)

А. А. Чувпило, Л. А. Чувпило

Статья посвящена истории изучения восточных языков в Харьковском университете в 1805–1917 гг. В ней показано, что Харьковский университет в дореволюционный период своего существования являлся одним из важнейших центров развития ориентальной лингвистики в Российской империи, а университетские ученые внесли значительный вклад в становление украинской и мировой науки о Востоке.

Ключевые слова: Харьковский университет, восточные языки, ориенталистика, Восток, кафедра сравнительного языкознания.

В дореволюционный период Харьковский университет был ведущим центром преподавания и изучения восточных языков на украинских землях Российской империи и одним из лидеров российской ориентальной лингвистики. Между тем огромный вклад харьковских ориенталистов в украинскую и мировую науку о языках народов Востока еще не нашел должного отражения в имеющейся литературе, посвященной истории Харьковского университета, хотя уже официально признано, что на Украине традиция изучения языков народов Азии и Африки была заложена в первой четверти XVIII в. в Харьковском коллегииуме, а затем активно продолжена в Харьковском университете [см.: 56, с. 8]. Общеизвестно также, что профессор кафедры восточных языков Харьковского университета И. Г. Барендт был первым преподавателем восточных языков в университетах Украины и России, став основателем университетского лингвистического востоковедения в этих странах [см.: 56, с. 41].

В данной статье ставится задача показать важнейшие достижения харьковских ученых в сфере ориентальной лингвистики и тем самым дополнить общую картину становления и развития ориенталистики в Харькове и в Украине.

Первым преподавателем восточных языков в Харьковском университете на открытой в нем кафедре восточных языков был И. Г. Барендт [о нем см.: 53, ф. 733, оп. 49, ед. хр. 7, л. 10-11; 56, с. 41]. Уже в 1805 г., сразу же после открытия университета, он стал преподавать начала еврейского языка по пособию Дидерикуса [о нем см.: 69], филологию восточных языков, а также занялся изъяснением псалмов [18, с. 8]. Под началами еврейского языка понимались древнееврейская грамматика и основы перевода, когда приводились многочисленные параллели к еврейским текстам и словам на арабском и халдейском языках вместе с примерами из Корана и других произведений ближневосточной литературы, а все изложение материала было построено таким образом, чтобы язык изучался в контексте сравнительной

филологии. Преподавая курс филологии восточных языков, Барендт стремился ознакомить своих слушателей в первую очередь с арабским языком, который считался главной университетской востоковедческой дисциплиной в России. В нем он использовал арабские параллели, стремясь показать единство семитской языковой семьи. Аналогичный курс на основе арабского языка, но позже читал в Казани Х. Ф. Френ [24, с. 34-35]. Изъяснение псалмов обязательно предполагало их перевод с оригинала, но оно не ограничивалось у Барендта простым переводом, а включало в себя и разбор по грамматическим правилам. Барендт, как уже отмечалось, стал первым университетским преподавателем восточных языков не только в Харькове, но и в царской России. Ведь Френ начал преподавать восточные языки в Казанском университете в 1807 г. [9, с. 94-95], а А. В. Болдырев в Московском – в 1811 г. [55, с. 152-153]. Если же следовать «Истории отечественного востоковедения», то ее авторы считают, что преподавание восточных языков в Московском университете началось лишь в середине XIX в., и было связано с именами И. М. Шадена, И. Рехта и М.И. Гаврилова [см.: 20, с. 98].

Продолжил дело Барендта Б. А. Дорн, который специально был приглашен в Харьков из Лейпцигского университета, чтобы заместить университетскую кафедру восточных языков [см.: 1, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3, л. 10-11; 3, с. 488-489]. За время работы в Харьковском университете (1829–1835 гг.) Дорн преподавал персидский язык по хрестоматиям Вольнея [2, с. 60] и Болдырева [33, 1830/31, с. 22], используя ее первый том, содержащий начальное грамматическое пособие и словарь [6], арабскую грамматику по руководству Болдырева [7], арабский язык, санскрит, древнееврейский и эфиопский языки [33, 1830/31, с. 13, 14, 22, 23; 1832/33, с. 11]. Начал он преподавать и турецкий язык, но сначала как факультатив [2, с. 60], а после введения уставом 1835 г. обязательного официального преподавания турецкого языка [см.: 32, с. 34], администрация университета возложила эту обязанность на Дорна. Занятия по турецкому по хрестоматии Летельера проходили два раза в неделю, но продолжались недолго, так как в октябре 1835 г. ученый навсегда покинул Харьковский университет, став в Петербурге профессором истории и географии Азии в Институте восточных языков при Министерстве иностранных дел [1, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3, л. 11-12, 14-16; 31, с. 51]. Следует отметить, что основными предметами Дорна все же были уже утвердившиеся в российских университетах в качестве основных востоковедческих дисциплин арабский и персидский языки. Курс этих языков был рассчитан на три года, причем занятия Дорна одновременно посещали студенты всех трех лет обучения.

Уставом 1863 г. на историко-филологических факультетах российских университетов учреждалась кафедра сравнительной грамматики индоевропейских языков [40, т. 38, № 39752]. Кроме собственно сравнительной грамматики на этой кафедре предполагалось преподавать санскрит, на основе анализа которого с начала XIX в. строилась вся индоевропейская компаративистика. Задачи нового курса требовали обращения и к другим восточным индоевропейским языкам, в частности, к предшествовавшему санскриту в историческом плане ведийскому языку, который, как стало ясно к середине XIX в., значительно в большей степени сохранил «живые» архаичные

формы индоарийского языка [подробно см.: 5, с. 40-109]. Индоевропейцы также остро нуждались в изучении древнеиранских языков, особенно авестийского, без знания которого невозможно было восстановить близкий, как тогда думали, к «индоевропейскому» индоиранский или «общеарийский» язык [см.: 4, с. 15-16; 37, с. 129-133].

В Харьковском университете кафедру сравнительной грамматики индоевропейских языков в период с 1869 по 1884 г. замещал выдающийся ориентальный лингвист В. И. Шерцль. На третьем-четвертом году обучения он читал студентам славяно-русского и классического отделений специальный курс, получивший название «Специальный курс сравнительной грамматики индоевропейских языков» [26, 1872/73, с. 6-7]. В рамках этого курса читались два предмета по индийским языкам: «Особенности санскритской грамматики» и «О формах языков индоевропейского племени в связи со звуковым организмом древнеиндийского языка» [26, 1873/74, с. 7; 1874/75, с. 7]. В других курсах индийским языкам также уделялось много внимания, а их изучение далеко выходило за рамки компаративистики. На практических занятиях студенты под руководством Шерцля занимались исключительно «переводами разных статей с санскрита на русский язык и наоборот», а также производили сравнительный разбор всех встречающихся в них корней, слов и форм [38, с. 42-43]. Более того, как показывает отчет о занятиях студента А. В. Попова, слушатели Шерцля получали основательные познания не только в санскрите, но и в ведийском и авестийском языках [см.: 39, с. 43-44].

Шерцль был первым ориенталистом в истории Харьковского университета, который не только преподавал, но и активно изучал восточные языки, особенно языки народов древней Индии. В 1873 г. вышла из печати первая часть его «Санскритской грамматики» [см.: 59], которая стала первым русскоязычным пособием по санскриту, изданным в Российской империи [см.: 21, с. 43-44], но историки санскритологии в большинстве случаев не обращают внимания на этот факт. «Грамматика» должна была помочь студентам в освоении курса санскрита, поскольку до этого они пользовались довольно трудной для усвоения немецкой грамматикой Ф. Боппа [см.: 67], или намного лучшей, но менее доступной, – Т. Бенфея [см. ее более позднее издание, доступное нам: 65]. В том же 1873 г. Шерцль впервые официально объявил в издаваемом университетом «Обзрении преподавания предметов» курс санскритской грамматики как отдельный предмет [см.: 26, 1873/74, с. 7]. В качестве основного русскоязычного пособия по санскриту «Грамматикой» Шерцля активно пользовались до начала 90-х гг. XIX в. в Харьковском, Одесском, Киевском, а иногда и в других университетах, пока в широкое употребление не вошло универсальное пособие по изучению санскрита В. Ф. Миллера и Р. И. Кнауэра, вышедшее в Санкт-Петербурге в 1891 г. [см.: 25].

Шерцль видел в своей «Грамматике» не просто университетский учебник, а первую часть фундаментального труда, который, по замыслу автора, призван был представить в сжатом виде все существующие особенности санскритского языка. Вторую часть должен был составить труд по синтаксису санскрита, а третью – санскритский словарь, как это позже было у Миллера и Кнауэра. Состояла «Санскритская грамматика» из трех разделов: «Письмо» (написание,

произношение и соединение букв) [см.: 59, с. 1-4], «Фонетические правила и особенности» [см.: 59, с. 5-17] и «Части речи» [см.: 59, с. 17-123]. В первом разделе санскритские слова были напечатаны шрифтом деванагари, что сильно отличало пособие Шерцля от большинства сочинений подобного рода, где приводилась только латинская транскрипция. Что же касается лингвистического материала, то его Шерцль взял не только из знаменитой классической грамматики Панини и других санскритских грамматик, но и из многочисленных произведений санскритской и ведийской литературы. В этом отношении грамматика Шерцля была значительно ближе к «живому» древнеиндийскому языку, чем грамматика Боппа, построенная на труде Панини, а также на основе лучшей в те годы грамматики Бенфея.

В 1883 г. вышла из печати первая часть «Синтаксиса древнеиндийского языка», изначально задуманная Шерцлем как обещанное продолжение «Грамматики» [см.: 61]. Однако в ходе работы над этим сочинением Шерцль расширил и изменил первоначальную концепцию и в итоге «Синтаксис» превратился в фундаментальный научный труд. Это выразилось в том, что Шерцль отошел от индийской грамматической традиции и всецело обратился к синтаксису «живого» древнеиндийского языка. По словам ученого, он стремился проанализировать синтаксис основных памятников как ведической, так и классической эпохи, уделяя при этом основное внимание ведическому языку, но с одинаковой тщательностью анализируя и позднейший санскритский материал [61, с. 1-2]. Стремясь выявить «сущность, место и значение» синтаксических конструкций последовательно в памятниках каждого периода, Шерцль рассмотрел сотни древнеиндийских произведений, от наиболее ранних гимнов Ригведы до драм Калидасы, причем один лишь их реестр в конце книги занял пять страниц [см.: 61, с. 361-365]. При этом ученый рассмотрел только три синтаксические категории: употребление чисел, согласование частей речи между собой и употребление падежей, предполагая обратиться к остальным категориям во втором томе, который так и не был издан. Несмотря на это, работа Шерцля имела огромное значение для развития санскритологии в дореволюционной России, так как была первым русскоязычным синтаксическим исследованием одного из древнейших индийских языков [66, р. 101]. Более того, эта книга вышла за пять лет до издания знаменитого «Древнеиндийского синтаксиса» Б. Дельброка [см.: 68] – первой обобщающей работы по этой теме в европейской санскритологической науке. Заметим, что основные положения, высказанные Шерцлем, во многом сохраняют свое значение и до нашего времени, а собранный им синтаксический материал настолько значителен, что представлял собой несомненную ценность для всех последующих исследователей [см.: 66, р. 101].

В других своих работах [см., например: 58; 62; 63] Шерцль проявил исключительные познания в самых различных азиатских языках – индийских, фарси, арабском, турецком, курдском, якутском, китайском, японском, корейском, айнском, тайском, тибетском, малайских и др. Однако еще большее впечатление производят его познания в плохо изученных в то время многочисленных африканских языках. Работы Шерцля опровергают мнение Д. А. Ольдерогге, бытующее во многом до сих пор, о том, что в России до начала

XX в. никто из языковедов-компаративистов не занимался серьезным изучением языков народов, живущих южнее Сахары [см.: 35, с. 24; 36, с. 25]. В трудах Шерцля, о которых Ольдерогге, возможно, ничего не знал, содержится огромный материал из таких языков, как готтентотский (нама и дамарра), кафрский, занде, фульбе, суахили, йоруба, борну, манде, банту, зулусский, мальгашский и др. Причем ученый не просто заимствовал африканские слова из работ западных филологов, как можно было ожидать, а активнейшим образом оперировал африканским грамматическим и лексическим материалом в сравнительных исследованиях, пытаясь, зачастую, восстановить процесс развития и самих этих языков. Аналогов столь вольному владению африканскими языками в России в XIX в. действительно найти невозможно. Материал «примитивных» и «односложных» языков народов Азии и Африки использовался Шерцлем прежде всего для восстановления общей эволюции языка в древнейший «первобытный» период. Эта методология не раз подвергалась критике за отсутствие четкого исторического подхода к истолкованию разновременных «речевых факторов» [см.: 8, с. 297-298; 23, с. 22-25]. Однако никто из критиков Шерцля не обратил внимание на одно объективное достоинство его работ: сопоставляя факты «примитивных» языков с индоевропейскими и семитскими, ученый никогда не заострял внимание на грамматике и морфологии, стремясь проводить параллели преимущественно в семантическом развитии слов и форм. В то же время в российской ориентальной компаративистике тех лет имели место тенденции именно к грамматическому сопоставлению таких языков, как индоевропейские и китайский, преследуя цель доказать общность их происхождения [см.: 10; 11]. К таким сопоставлениям Шерцль относился более чем осторожно, поскольку прекрасно владел теорией сравнительного языкознания. Он стремился выявить сходные этапы в развитии различных языков не для того, чтобы восстановить единый «праязык» человечества, а с целью изучать язык как целостный «антропологический феномен», как «рефлекс человеческого духа».

Изучением санскрита и ведийского языков на высоком научном уровне занимался также ученик Шерцля Н. А. Андреевский, учившийся на отделении классической филологии университета в 1870–1874 гг. В 1872 г. он написал работу «Аналитический и сравнительный разбор глагольных корней, встречающихся в сказке из Панчатантры «Папабудги – дхармабудгнича»» [45, 1872, с. 17], которая получила высокую оценку у профессора. Большие познания в санскритологии проявил также К. А. Деллен, обучавшийся, как и Андреевский, на классическом отделении. Окончив учебу в 1875 г., Деллен был удостоен степени кандидата за индологическую работу «Перевод и объяснение IV раздела книги Хитопадеши» [46, 1875, с. 66, 121] и на основании рекомендации Шерцля оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре сравнительного языкознания «стипендиатом без содержания» [46, 1875, 121, 127]. К 1881 г. Деллен подготовил магистерскую диссертацию «О так называемых *casus absoluti* в главных языках индоевропейского племени» [см.: 14]. Она получила высокую оценку со стороны Шерцля, который в своем отзыве отметил глубокие познания автора в древнеиндийских и иранских языках [46, 1881, с. 94].

Под руководством Шерцля изучением санскрита занимался и А. В. Попов, учившийся на историко-филологическом факультете в 1875–1879 г. Уже на третьем курсе он сумел «исклчительно отличиться на практических занятиях внелекций по переводам с санскрита» [46, 1877, с. 43], а в 1878 г. написал большую санскритологическую работу на заданную Шерцлем тему – «Синтаксические особенности винительного в санскрите с сравнением отличительных особенностей этого падежа в греческом, латинском и других языках» [46, 1878, с. 45]. По словам Шерцля, написавшего обстоятельный отзыв на это сочинение, работа Попова занимала около 200 с. рукописного текста и содержала ссылки на двадцать изданий ведических, эпических и классических текстов индийской литературы [см.: 60, с. 1-2]. Автор проявил глубочайшие познания в санскрите и выступил как оригинальный самостоятельный исследователь, за что факультет наградил его золотой медалью в начале 1879 г. [см.: 46, 1879, с. 45]. В июне 1879 г. Попов закончил университет и защитил «кандидатское сочинение» – «Перевод первой главы кодекса законов Ману», в котором впервые был осуществлен научный перевод на русский язык важнейшего памятника древнеиндийского права [21, с. 6]. Эта работа дала основание Шерцлю рекомендовать оставить Попова в университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре сравнительного языкознания [43, с. 309; 57, ф. 707, оп. 35, ед. хр. 34, л. 2-4]. Рекомендация была поддержана факультетом и Советом университета, и с осени 1879 г. Попов начал подготовку к магистерским экзаменам [46, 1879, с. 14]. С ноября того же года он стал помогать Шерцлю в проведении практических занятий по санскриту [42, с. 4], а также начал публиковать в «Филологических записках» фундаментальный труд, в котором поднималась сложнейшая проблема неглагольных предложений и косвенных падежей в древних индоевропейских языках [42, с. 5]. По единодушному мнению ученых тех лет, этот труд представлял собой шедевр российского сравнительного языкознания [см.: 42, с. 5-9; 54, ф. 2, оп. 1-1882, ед. хр. 2, л. 3-12], вызывая повышенный интерес у филологов-компаративистов даже в XX в. [8, с. 195]. Однако Попову не удалось развить свой успех, так как 26 сентября 1880 г. он преждевременно ушел из жизни [см.: 43, с. 309-310; 47, с. 310-311]. Одновременно с Поповым сравнительным языкознанием и санскритом под руководством Шерцля занимался и его родной брат – Р. И. Шерцль [о нем см.: 19, с. 202-204; 64, с. 23-25]. В 1880 г. он защитил магистерскую диссертацию «Разбор родительного и дательного падежа в классических языках в сравнении с санскритом» и с 1882 г. занял должность приват-доцента римской словесности в университете, а с 1886 г. одновременно стал заведовать его нумизматическим кабинетом [19, с. 203-204].

Преемником Шерцля на кафедре сравнительного языкознания, которая с середины 80-х гг. XIX в. получила название кафедры «сравнительного языковедения и санскрита» [см.: 41, т. 4, с. 471, № 2404], стал Э. М. Диллон. Он читал санскрит студентам «классической группы» по два часа в неделю на протяжении четырех лет, а студентам «российской группы» – по три часа в течение первых двух лет обучения [19, с. 144-145; 27, 1885/86, 1, с. 5; 1886/87, 1, с. 6; 1886/87, 2, с. 6]. Один час в неделю посвящался лекциям по санскриту, а один – практическим занятиям, состоявшим в переводе текстов с индийских

языков на русский. Кроме того, в 1886 г. Диллон начал вести дополнительный спецкурс по чтению санскритских текстов по два часа в неделю. В осеннем семестре 1886 г. он, в частности, разбирал со студентами гимны Ригvedы и поэму Калидасы «Облако-Вестник», собираясь в дальнейшем перейти к разбору Рамаяны [см.: 27, 1886/87, 1, с. 6; 1886/87, 2, с. 6]. В курсе сравнительного языкознания, помимо древнеиндийских, Диллон знакомил студентов и с другими восточными языками, в частности, с армянским. Занимался он также всесторонним изучением языка Авесты и армянского языка, внося значительный вклад в авестологию и арменистику [см.: 15; 16; 17].

В 1887–1888 г. курс санскрита и практические занятия по санскриту вел А. И. Александров [см.: 27, 1886/87, 2, с. 7; 1887/88, 1, с. 7; 1888/89, 1, с. 6]. Его сменил выдающийся ориенталист с мировым именем Д. Н. Овсяннико-Куликовский, проработавший в Харьковском университете с 1888 по 1905 г. Он вел занятия по санскриту, ведийскому, древнеперсидскому и авестийскому языкам, делая упор на санскрит. В первые полтора года работы Овсяннико-Куликовский преподавал общие курсы сравнительной грамматики индоевропейских языков и санскритской грамматики, а также вел практические занятия по чтению и разбору санскритских текстов (один час в неделю) и гимнов Ригvedы (два часа) [27, 1888/89, 2, с. 7-8; 1889/90, 1, с. 6-7; 1889/90, 2, с. 6]. Впервые в истории университета в качестве отдельного предмета преподавались иранские языки: один час в неделю Овсяннико-Куликовский отводил чтению и разбору авестийских и древнеперсидских текстов [27, 1888/89, 2, с. 8; 1889/90, 1, с. 7; 1889/90, 2, с. 6]. С 1890/91 уч. года Овсяннико-Куликовский несколько изменил чтение своих предметов. В полном объеме вплоть до 1904 г. ученый продолжал читать только сравнительную грамматику и санскритскую грамматику, а также разбирать со студентами санскритские тексты разной степени сложности [27, 1890/91, 1, с. 6; 1890/91, 2, с. 6; 28, 1891/92, с. 7; 1892/93, с. 6; 1893/94, с. 7; 1894/95, с. 7; 1897/98, с. 8; 1898/99, с. 8; 1899/1900, с. 8; 29, с. 8; 44, с. 8]. Чтение гимнов Ригvedы практиковалось Овсяннико-Куликовским только до 1896/97 уч. года [27, 1890/91, 1, с. 6; 1890/91, 2, с. 6; 28, 1891/92, с. 7; 1892/93, с. 6; 1893/94, с. 7; 1894/95, с. 7, 1896/97, с. 6]. Иранские языки в 1890 г. исчезают из программы, но в 1892/93 уч. году в ней появляется новый курс «Грамматика Авесты», который читался на протяжении трех лет [28, 1892/93, с. 6; 1893/94, с. 7; 1894/95, с. 7]. После 1894/95 уч. года иранские языки Овсяннико-Куликовским не преподавались. Работая в Харькове, ученый продолжал активно изучать индийские языки, результатом чего стал его труд по вопросу употребления индикатива в ведийском санскрите, который вышел из печати в 1896 г. [см.: 34].

В 1905 г. Овсяннико-Куликовский уехал в Санкт-Петербургский университет [о нем см.: 13], но еще в 1901 г. читать общие курсы по сравнительному языкознанию и санскриту и проводить занятия по разбору санскритских текстов начал П. Г. Риттер [12, ф. Р-203, оп. 1, ед. хр. 566, л. 75; 28, 1900/01, с. 10]. С 1905 г. он стал преподавать все кафедральные предметы, которые до этого читал Овсяннико-Куликовский, обращая особое внимание на санскрит. С 1908 г. практические занятия по санскриту были дополнены разбором гимнов Ригvedы, а затем эпических, классических и брахманических текстов [30, 1911/12, с. 7; 1912/13, с. 6; 1913/14, с. 9; 1914/1915, с. 9]. Выдающийся ориенталист советской

эпохи А. П. Ковалевский, посещавший занятия Риттера в 1915 г., отмечал, что на лекциях по санскриту его учитель не ограничивался узкофилологическими вопросами, а стремился привить слушателям интерес к индийской цивилизации и культуре [см.: 22, с. 40]. Изучая санскрит, ведический язык, пракриты, пали и другие индийский языки, Риттер с 1900 г. начал публикацию своих лекционных курсов [см.: 48; 49; 50; 51; 52]. В них ученый давал подробный очерк развития санскритологии, излагая собственную концепцию истории индийского языка [см.: 52, с. 1-14]. Он выступал против «крайностей сравнительного языкознания», которое своим поиском «киндоевропейского праязыка» существенно исказило многие стороны древнеиндийской культуры. Следуя новейшим тенденциям в тогдашней санскритологии, Риттер настаивал на необходимости учитывать в исследованиях данные индийской грамматической традиции и призывал, по примеру австрийского ученого Г. Бюллера, изучать «древнюю Индию через современную» [см.: 52, с. 6-8]. В «компендиуме санскритской грамматики», полностью лишенном «сравнительных элементов», все выдержки из ведических и санскритских текстов давались только в латинской транскрипции, что сильно отличало работы Риттера от трудов Шерцля далеко не в лучшую сторону. Несмотря на это, лекции Риттера использовались в Харьковском университете / ХИНО в качестве основного учебника по практическому освоению санскрита вплоть до конца 20-х годов XX в.

Вместе с Риттером восточные языки преподавал и И. М. Эндзелин. В 1909/10 уч. году он вел занятия по языку Авесты [30, 1909/10, с. 5], в 1910–1912 гг. – теоретические и практические занятия по древнеперсидскому языку [30, 1910/11, с. 6; 1911/12, с. 6], в 1913/14 уч. году – древнеармянский язык, проводя по нему и практические занятия [30, 1913/14, с. 6], а в 1914/15 уч. году Эндзелин занимался со студентами чтением и разбором избранных гимнов Ригведы [30, 1914/15, с. 8]. Перечень изучаемых в Харьковском университете восточных языков будет неполным, если не обратить внимание на то, что в 1897/98 уч. году впервые в России в дополнение курса истории древнего Востока в программу кафедры всеобщей истории были введены курсы древнееврейского и ассирийского языков [см.: 28, 1897/98, с. 11], которые читал В. В. Лапин (он до этого преподавал историю древнего Востока). Соответственно изменилась и тематика практических занятий: студенты под руководством Лапина занимались теперь «чтением ассирийских надписей» [28, 1897/98, с. 11].

Таким образом, на протяжении всего периода 1805–1917 гг. Харьковский университет был одним из важнейших и ведущих центров ориентальной лингвистики в Российской империи, способствуя популяризации восточных языков в Украине и России. В разные годы в университете преподавались и изучались одиннадцать сложнейших языков народов Азии и Африки (древнееврейский, арабский, санскрит, ведийский, авестийский, древнеперсидский, персидский (пехлеви), армянский, турецкий, эфиопский (гезз), древнеассирийский). К числу несомненных заслуг харьковских ориенталистов следует отнести начало преподавания восточных языков в университетах России, первый в Европе университетский курс эфиопского языка, первая в России санскритская грамматика и пособие по древнеиндийскому синтаксису, ряд уникальных научных работ по санскритологии, ведаистике и авестологии, перевод

десятков оригинальных источников и произведений восточной литературы, первые попытки изучения африканских языков южнее Сахары. Без всего этого невозможно представить себе украинское и российское востоковедение в дореволюционный период, что свидетельствует о наличии оригинальной харьковской университетской школы ориенталистики. Выделим основные этапы ее развития: 1) 1805–1835 гг. – зарождение ориенталистики в Харьковском университете; 2) 1835–1863 гг. – изучение Востока на кафедре всеобщей истории; 3) 1863–1917 гг. – востоковедение на кафедре сравнительного языкознания. Отметим также характерные ее черты: а) классическое востоковедение здесь далеко не всегда было доминирующим; б) развивалась индоевропейская компаративистика и санскритология; в) изучалась история древнего Востока на кафедре всеобщей истории, преследуя образовательные и общенаучные цели; г) преподавались и изучались восточные языки; д) высокого уровня достигла авестология, ведаистика, афганистика, иранистика, арабистика, арменистика, тюркология, иудаистика, индология, синология, африканистика, история восточных религий, география и этнография народов Азии и Африки, история индийской литературы; е) выполнялись уникальные переводы с восточных языков; ж) осуществлялось написание учебников и учебных пособий по восточным дисциплинам; з) активно велась подготовка востоковедческих научных и педагогических кадров. Современные харьковские ориенталисты, проявившие себя во многих областях востоковедческой науки, являются достойными продолжателями дела ученых XIX–XX вв.

Примечания

1. *Архив Российской национальной библиотеки.*
2. *Багалей Д. И., Сумцов Н. Ф., Бузескул В. П.* Краткий очерк истории Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / Д. И. Багалей, Н. Ф. Сумцов, В. П. Бузескул. – Харьков, 1906. – 329 с.
3. *Багалей Д. И.* Опыт истории Харьковского университета: (По неизданным материалам) / Д. И. Багалей. – Т. 2. – Харьков, 1914. – 1136 с.
4. *Барроу Т.* Санскрит / Т. Барроу. – М., 1976. – 346 с.
5. *Бархударов А. С.* Развитие индоарийских языков и древнеиндийская культурная традиция / А. С. Бархударов. – М., 1988. – 216 с.
6. *Болдырев А. В.* Персидская хрестоматия / А. В. Болдырев. – Ч. 1: Грамматика и словарь. – М., 1826. – 172 с.
7. *Болдырев А. В.* Краткая арабская грамматика в таблицах / А. В. Болдырев. – М., 1827. – 129 с.
8. *Булахов М. Г.* Восточнославянские языковеды: Библиографический словарь / М. Г. Булахов. – Т. 1. – Минск, 1976. – 320 с.
9. *Валеев Р. М.* Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.) / Р. М. Валеев. – Казань, 1998. – 378 с.
10. *Васильев В. П.* Об отношениях китайского языка к среднеазиатским / В. П. Васильев // Журнал Министерства народного просвещения. – 1872. – Ч. 163. – №5. – С. 82-124.

11. *Васильев В.П.* Очерк истории китайской литературы / В.П. Васильев // Всеобщая история литературы. – Т.1. – СПб., 1880. – С.426-588.
12. *Державний архів Харківської області.*
13. *Григорьев В. В.* Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования / В. В. Григорьев. – СПб., 1870. – 350 с.
14. *Деллен К. А.* О так называемых *casus absoluti* в главных языках индоевропейского племени / К. А. Деллен. – Харьков, 1881. – 72 с.
15. *Диллон Э. М.* Дуализм в Авесте. Разбор дисциплинарных предписаний / Э. М. Диллон. – СПб, 1881. – 246 с.
16. *Диллон Э. М.* Армянские этюды / Э. М. Диллон. – Ч. 1: Отношение армянского языка к иранской группе языков. – Харьков, 1884. – 119 с.
17. *Диллон Э. М.* Армянские этюды / Э. М. Диллон. – Ч. II: Египше. Война армян против персов. – Харьков, 1884. – 199 с.
18. *Извещения* о публичных преподаваниях, имеющих быть в Императорском Харьковском университете в течение 1805 г. – М., 1805. – 23 с.
19. *Историко-филологический факультет* Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). – Ч. 1. – Харьков, 1908. – 168 с.
20. *История* отечественного востоковедения до середины XIX в. – М., 1990. – 439 с.
21. *Ковалівський А. П.* Антологія літератур Сходу / А. П. Ковалівський. – Харків, 1961. – 452 с.
22. *Ковалевский А. П.* Воспоминания о П. Г. Риттере / А. П. Ковалевский // Професор П. Г. Ріттер (1872–1939): Збірник біографічних та бібліографічних матеріалів. – Харків, 1966. – С. 40-47.
23. *Колосов М. А.* Заметки о звуках русского и старославянского языков / М. А. Колосов // Филологические записки. – 1872. – Вып. 4. – С. 1-29.
24. *Мазитова И. А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX в.) // И. А. Мазитова. – Казань, 1972. – 118 с.
25. *Миллер В. Ф., Кнауэр Р. И.* Руководство к изучению санскрита (грамматика, тексты, словарь) / В. Ф. Миллер, Р. И. Кнауэр. – СПб., 1891. – 289 с.
26. *Обозрение* преподавания предметов в Императорском Харьковском университете на 1847–1848 ... 1883–1884 уч. год. – Харьков, 1847–1883.
27. *Обозрение* преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий в Императорском Харьковском университете на 1-ое осеннее полугодие 1885–1886 уч. года ... весеннее полугодие 1890–1891 уч. года. – Харьков, 1885–1891.
28. *Обозрение* преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий в Императорском Харьковском университете на 1891–1892 ... 1900–1901 акад. год. – Харьков, 1891–1900.
29. *Обозрение* преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий в Императорском Харьковском университете на 1903–1904 акад. год. – Харьков, 1903. – 109 с.
30. *Обозрение* преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий по историко-филологическому факультету Императорского Харьковского университета на 1909–1910 ... 1916–1917 уч. год. – Харьков, 1909–1916.
31. *Общий* отчет министра народного просвещения за 1835 г. – СПб., 1836. – 77 с.
32. *Общий* устав Императорских российских университетов. – Харьков, 1837. – 46 с.

33. *Объявления* публичного преподавания наук в Императорском Харьковском университете по определению Совета, имеющего происходить от 17 августа 1829 по 30 июня 1830 ... 17 августа 1832 по 30 июня 1833 г. – Харьков, 1829–1833.
34. *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Из синтаксических наблюдений. К вопросу об употреблении индикатива в ведийском санскрите / Д. Н. Овсяннико-Куликовский // Сборник в честь профессора Ф. Е. Корша. – М., 1896. – С. 46-97.
35. *Ольдерогге Д. А.* История изучения в России африканских языков / Д. А. Ольдерогге // Из культурного наследия народов Америки и Африки. – Л., 1975. – С. 23-46.
36. *Ольдерогге Д. А.* Изучение африканских языков в России / Д. А. Ольдерогге // Изучение Африки в России (дореволюционный период). – М., 1977. – С. 16-29.
37. *Основы* иранского языкознания. Древнеиранские языки. – М., 1979. – 388 с.
38. *Отчет* о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета за 1877 г. – Харьков, 1878. – 84 с.
39. *Отчет* о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета за 1904 г. – Харьков, 1905. – 210 с.
40. *Полное собрание законов Российской империи. Собрание II (1825–1881 гг.):* В 55 т. – СПб., 1830–1884.
41. *Полное собрание законов Российской империи. Собрание III (1881–1913 гг.):* В 33 т. – СПб., 1885–1916.
42. *Потебня А. А. А. В. Попов / А. А. Потебня // Попов А. В. Синтаксические исследования.* – Харьков, 1881. – С. 1-12.
43. *Потебня А. А. Александр Васильевич Попов: Некролог / А. А. Потебня // Филологические записки.* – 1881. – Вып. 11. – С. 309-310.
44. *Проект* обозрения преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий по историко-филологическому факультету Императорского Харьковского университета на 1901–1902 акад. год. – Харьков, б.г. – 104 с.
45. *Протоколы* заседаний Совета Императорского Харьковского университета и приложения к ним. – Харьков, 1863–1873.
46. *Протоколы* заседаний Совета Императорского Харьковского университета за 1874–1881 гг. // *Записки Харьковского университета.* – 1874–1882.
47. [Редакция «Филологических записок»]. *А. В. Попов: Некролог // Филологические записки.* – 1881. – Вып. 11. – С. 310-311.
48. *Риттер П. Г. Что такое санскрит? / П. Г. Риттер // Записки Харьковского университета.* – 1900. – Кн. 2. – С. 1-12.
49. *Риттер П. Г. Что такое санскрит / П. Г. Риттер.* – Харьков, 1902. – 12 с.
50. *Риттер П. Г. Краткий курс санскритской грамматики / П. Г. Риттер.* – Харьков, 1904. – 112 с.
51. *Риттер П. Г. Санскрит / П. Г. Риттер.* – Харьков, 1911. – 74 с.
52. *Риттер П. Г. Санскрит / П. Г. Риттер.* – Харьков, 1916. – 136 с.
53. *Российский* государственный исторический архив.
54. *Санкт-Петербургское* отделение Архива Российской академии наук.
55. *Стариков А. А. Восточная филология в Московском университете / А. А. Стариков // Очерки по истории русского востоковедения.* – Вып. 3. – М., 1960. – С. 147-165.
56. *Сходознавство і візантологія в Україні в іменах: бібліографічний словник.* – Київ, 2011. – 260 с.

57. *Центральний державний історичний архів України.*
58. *Шерцль В. И.* Об именах числительных в индоевропейской отрасли, их развитии и отношении к числительным других отраслей / В. И. Шерцль. – Харьков, 1870. – 178 с.
59. *Шерцль В. И.* Санскритская грамматика / В. И. Шерцль. – Ч. 1. – Харьков, 1873. – 123 с.
60. *Шерцль В. И.* Отзыв о сочинении А. В. Попова «Синтаксические особенности винительного в санскрите» / В. И. Шерцль // Записки Харьковского университета. – 1879. – Т. 2. – С. 1-14.
61. *Шерцль В. И.* Синтаксис древнеиндийского языка. I: О согласовании частей речи, об употреблении чисел и падежей / В. И. Шерцль. – Харьков, 1883. – 369 с.
62. *Шерцль В. И.* Название цветов и символическое значение их / В. И. Шерцль // Филологические записки. – 1884. – Вып. 6. – С. 2-65.
63. *Шерцль В. И.* О словах с противоположными значениями (о так называемой энантиосемии) / В. И. Шерцль. – Воронеж, 1884. – 88 с.
64. *Эндзелин И. М.* Введение в языкознание / И. М. Эндзелин. – Харьков, 1909. – 128 с.
65. *Benfey T.* Die Grammatik der Sanskrit-Sprache / T. Benfey. – Berlin, 1890. – 381 S.
66. *Bongard-Levin G., Vigasin A.* The Image of India: The Study of Ancient Indian Civilization in the USSR / G. Bongard-Levin, A. Vigasin. – М., 1984. – 344 p.
67. *Bopp F.* Kritische Grammatik der Sanskrit-Sprache in kurzerer Fassung / F. Bopp. – Berlin, 1868. – 479 S.
68. *Delbruck B.* Altindische Syntax / B. Delbruck. – Halle, 1888. – 643 S.
69. *Diedericus J. S.* Habraische Grammatic für Anfanger / J. S. Diedericus. – Lemgo, 1782. – 150 S.

Чувпило О. О., Чувпило Л. О. Викладання та вивчення східних мов у Харківському університеті (1805–1917 рр.).

Стаття присвячена історії вивчення східних мов у Харківському університеті в 1805–1917 рр. У ній показано, що Харківський університет у дореволюційний період свого існування був одним із найважливіших центрів розвитку орієнтальної лінгвістики в Російській імперії, а університетські вчені зробили значний внесок у становлення української та світової науки про Схід.

Ключові слова: Харківський університет, східні мови, орієнталістика, Схід, кафедра порівняльного мовознавства.

Chuvpylo O. O., Chuvpylo L. O. The Teaching and Studying of Oriental Languages in the Kharkiv University (1805–1917).

The article is devoted to the history of Oriental languages in the Kharkiv University before Revolutions 1917 (1805–1917). It has shown in the article that the Kharkiv University was the of one the main centers of Oriental Linguistic in Russian Empire, and University scholars made a valuable contribution to the becoming of Ukrainian and World Oriental Studies as the special field of the Humanities.

Keywords: Kharkiv University, Oriental languages, Oriental Studies, the East, the Comparative linguistic Chair.